

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ
Совет молодых ученых ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XV)
Международной конференции молодых ученых
(3—5 апреля 2014 г.)

Выпуск 15

Том 2: Литературоведение

Томск 2014

мость литературы от политической сферы, а немецкой культуры — ориентацию на «эстетико-философский» тип словесности. Историческое значение немецкой литературы Шевырев видит в создании «истинной критики». Схожая методология анализа истории культуры представлена в статьях И. В. Киреевского «Деятельный век» (1832) и «В ответ А. С. Хомякову» (1838), где раскрываются исторические истоки формирования западноевропейской цивилизации и русской культуры. Выявляя их различия, русский философ подчеркивает: «Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность»¹⁴.

Таким образом, в «Истории поэзии» Шевырев подчеркивает, что в искусстве запечатлеваются «идеи» народов, которые продолжают развиваться после исчезновения данных народов. Данное теоретическое представление наполнено многогранным образным содержанием в лирике русского романтика, прежде всего в его стихотворениях об Италии.

Примечания

1. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2004. Т. XIII. С. 155.
2. Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 120.
3. Абрамов А. И. Шевырев // История эстетической мысли: в 6 т. М., 1986. Т. 3. С. 382.
4. Еремеев А. Э. Русская философская проза (1820—1830-е гг.) Томск, 1989. С. 68.
5. Веневитинов Д. В. Указ. соч. С. 124.
6. Русские эстетические трактаты первой трети XIX в.: в 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 509.
7. Там же. С. 510.
8. Там же. С. 513.
9. Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М., 1982. С. 32.
10. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 517.
11. Подольская И. Мысль — цель — единство (Веневитинов-критик) // Литературная учеба. 1980. № 2. С. 143.
12. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 518.
13. Там же. С. 518.
14. Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: в 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 113.

А. В. ХРАБРОВА

Категория сомнения в творческой системе Лермонтова и раннего Достоевского

В статье рассматривается проблема героя в творческой системе Лермонтова и раннего Достоевского на основе выделения категории сомнения, центральной на рубеже веков, определяющей переходность мира 1830—1840-х гг. и состояние тотального критицизма умов.

Ключевые слова: Лермонтов, ранний Достоевский, проблема героя, категория сомнения.

Творческое взаимодействие Лермонтова и Достоевского определяется широким кругом проблем. Поздний период творчества Лермонтова и раннее творчество Достоевского во многом обусловлены поисками нового жанра, творческого метода, героя времени. Ситуация фронтальности в литературе 1830—1840-х гг., выдвинувшая в качестве центральной проблему «личности и действительности», способствовала возникновению самосознающего героя. Одной из сторон сознания мыслящих людей эпохи, как отмечает А. И. Журавлева, было «сомнение в готовых истинах и суждениях, тотальный критицизм»¹. Значимым репрезентантом сближения художественных миров Лермонтова и раннего Достоевского выступает категория сомнения. Выявление данной категории в творческой системе двух писателей позволяет увидеть трансформацию проявлений и динамику рефлектирующего критического сознания.

Проблема существования героя в ситуации сомнения, необходимости выбора может быть рассмотрена как важная философская проблема эпохи в целом, спровоцировавшая возникновение особого типа героев, ознаменовавшая начало процессов самосознания и психологизации событий, но также и как проблема, обусловившая возникновение изменений на уровне нарратива.

На повествовательном уровне можно проследить связь категории сомнения с пространственно-временным положением героя, поскольку экзистенциальная ситуация, порождающая в герое неуверенность и сомнения, обуславливается и соответствующим хронотопом. И в связи с этим принципиальное значение принимает хронотоп имперского города Петербурга; герой, одолеваемый сомнениями, как правило, выходит на улицы города в поисках, лелея надежду найти выход из собственной ситуации: «Таким-то образом сомневаясь и ища ключа и разрешения сомнений своих, герой наш добежал до Семеновского моста...» (Двойник). Нагляднее всего это проявляется в таких повестях как: «Штосс», «Двойник», «Хозяйка», «Белые ночи». Сомнения героев, вызванные глубоко личными переживаниями, находят свое внешнее проявление в нерешительности, неспособности осуществить действие или сделать выбор. Психологическое наполнение событий, выражение состояния героев обуславливает наличие нарративных изменений, зачастую сопровождающихся замедлением повествовательного хода, наслоением описаний сюжетных событий и психологических состояний, такой монтаж частей в ряде текстов сопровождается возникновением риторических вопросов, усиливающих неустойчивость состояния и сомнение: «У Лугина руки опустились. Сердце его забило, как будто предчувствуя несчастье. Должен ли он был продолжать свои исследования? не лучше ли вовремя остановиться?» (Штосс), «Господин Голядкин, видя, что Андрей Филиппович узнал его совершенно <...> покраснел до ушей. «Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? Признаться

иль нет?» — думал в неописанной тоске наш герой...» (Двойник). Так, категория сомнения в формальном плане определяет комбинаторику сюжетных рядов в произведениях обоих писателей, являясь при этом и способом психологического наполнения текстов.

Необходимо обозначить определенную динамику развития и изменений категории сомнения в идеологическом и психологическом планах. Б.Т. Удодов указывает на такую особенность Демона из одноименной поэмы Лермонтова, как готовность к изменениям: «Демон на пороге перехода в какое-то иное, неведомое ему состояние»². Важно, что демонический дух оказывается в ситуации борьбы с самим собой при необходимости выбора. Этот лермонтовский образ положил начало ряду героев, «сомневающих во всем».

Психологическая разработка новых типов сознания повлекла за собой различные изменения и переходы от сомнения через нерешительность к состоянию безысходности и осознанию собственного бессилия совершить что-либо, сделать выбор. Особой вехой в творчестве Лермонтова стал образ нового Демона в поэме «Сказка для детей», наделенного собственным сознанием, вступающего уже на путь рефлексии, подвергающего критическому осмыслению все присущие ему абсолюты. Своей кульминации развития все эти признаки достигнут в образе Печорина. Положенный в основу создания нового текста о Демоне иронический метод обеспечил не только возможность критического подхода, но также и психологизацию повествования. Драматизм демонического комплекса в «Сказке для детей» усиливается в результате возрастающего диссонанса, заключающегося в несовпадении стремлений и результатов. Демонизм Печорина как раз и заключается в достижении наивысшей точки подобного диссонанса.

На смену сомневающемуся интеллигенту приходит больное сознание маленького человека, склонного к сумасшествию, который, сомневаясь, уже не доверяет, а также боится и существует в состоянии тоски и тревоги. Герой последней повести Лермонтова «Штосс» — художник Лугин, а затем и герои ранних повестей Достоевского — Голядкин, Прохарчин, Ордынцев, Вася Шумков, Астафий Иванович ощущают ужас самой действительности и вследствие этого стремятся сбежать или «выпасть» из реальности (отсюда повторяющиеся мотивы снов, галлюцинаций, мечтаний). Стоит отметить принципиальное различие в отношении к сомнению героя — интеллигента 1830-х гг. и новых героев — маленьких людей, героев-мечтателей. Печорин признается, что «любит сомневаться во всем», и при этом видит в сомневающемся состоянии современных людей — слабость и бессмысленность: «мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного счастья, потому знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению...». Это осознанное сомнение мыслящего человека, подвергающего осмыслению окружающий мир и самого

себя. Последний же герой Лермонтова — Лугин и герои ранней прозы Достоевского теряют способность осознанно сомневаться, их сомнения рождены страхами, хандрой, галлюцинациями.

Примечательно, что в экзистенциальной ситуации, требующей от такого героя ответа, нарастающее сомнение усиливает его страх, и зачастую герой не отвечает, а вопрошает. Принципиально здесь то, что ключевым повторяющимся в текстах обоих художников становится вопрос «что-с?», выражающий недоверие, страх и свидетельствующий об открытии сознания героя. Данный вопрос можно обозначить как определенный композиционный элемент, ломающий событийный ряд. Это связано с тем, что сомнение порождает в таких героях чувство неизбежности. В повести «Двойник» герой постоянно задает вопрос, зачастую обращаясь к самому себе: «Что, что это?», «Да что ж это такое, — подумал он с досадою, — что ж это я, с ума, что ли, в самом деле сошел?» и т.д. Тотальное непонимание происходящего обостряет желание таких героев разрешить ситуацию, при этом доминантными становятся мотивы мучений, тоски, тревоги и ожидания беды: «Наконец, в тоске своей, он начал желать, чтоб хоть бог знает как, да только разрешилось бы всё поскорее, хоть и *бедой* какой-нибудь <...> Как тут судьба поймала господина Голядкина: не успел он пожелать, как *сомнения* его вдруг разрешились, но зато самым странным и самым неожиданным образом» (Двойник), (курсив мой — А.Х.). Взыскав со своих ранних героев, намеренно погружая их в экзистенциальные ситуации, Достоевский заставил их начать сомневаться в собственном существовании, в идентичности своего сознания. Это совершенно иной уровень и тип сомнения, и такой процесс ознаменуется в творчестве уже позднего Достоевского переходом от «критики души» и двойничества к рождению внутренних голосов героев, к превращению Демона в собственного внутреннего черта.

Примечания

1. Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М., 2002. С. 167.
2. Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. С. 269.

С. ЧЖАН

Понятие народности в русской литературе

Народность литературы — это настоящая категория литературоведения. В данной статье приводится формирование понятия народности в русской литературе. Рассмотрена теория народности реалистических писателей. Показаны понятия народности Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

Ключевые слова: народность; национальность; реалистическая литература; народный дух.